

БЛОК О ЛЬВЕ ТОЛСТОМ (НОВОНАЙДЕННЫЙ АВТОГРАФ)

Сообщение А. Н. Бойко

Известно, что на восьмидесятилетие со дня рождения Толстого Блок откликнулся большой статьей «Солнце над Россией», которая была напечатана в журнале «Золотое руно» (1908, № 7—9). Над статьей Блок, видимо, работал в конце августа (до 3 сентября). В письме от 3 сентября он сообщал Е. П. Иванову: «Написал в „Руно“ юбилейную статью о Толстом». 18 сентября в записной книжке поэта появилась короткая, но чрезвычайно значительная по содержанию заметка. Впоследствии с некоторыми небольшими поправками она была переписана Блоком на отдельный лист (автограф хранится в архиве Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве). Характер исправлений очень выразителен: не только общий смысл заметки, ее композиция, но и каждая фраза в ней сохранились, изменения касаются отдельных слов или структуры предложения, обнаруживая важность любой детали блоковского текста, вплоть до знаков препинания. Например, во фразе: «Сознание того, что чудесное было рядом с нами, часто приходит слишком поздно» — «часто» заменено на «всегда». Это категорическое, всеобъемлющее «всегда» появляется и в следующей фразе, сильно преобразованной. Вместо: «...надо помнить, что само существование гения есть непрерывное излучение света на современников» читаем: «Надо всегда помнить, что сама жизнь гения есть непрерывное излучение света на современников». Далее фразу: «Свет этот и близоруких остерегал от самых опасных мест» — Блок редактирует таким образом, что глагол переводится в настоящее время: «Этот свет остерегает от опасностей и близоруких» и т. д.

Высокая требовательность Блока к каждому слову, к малейшему оттенку интонации, отличающая все им написанное, в данном случае усилена исключительной ответственностью темы.

До последнего времени считалось, что окончательным текстом «Заметки» был тот, который зафиксирован в автографе Музея Толстого. В действительности же, как удалось установить, Блок продолжал работу над «Заметкой», совершенствуя ее текст. Об этом свидетельствует неизвестный ранее беловой автограф этого произведения, обнаруженный нами в одном из фондов ЦГАОР.

Коротко об истории находки. Дело в том, что на протяжении нескольких лет я изучал и продолжаю изучать общественно-просветительскую деятельность нескольких поколений Водовозовых... Здесь я позволю себе отвлечься от основной темы и сказать, что, к сожалению, фамилия Водовозовых широкому кругу читателей пока мало знакома, а между тем она заслуживает внимания уже хотя бы по той причине, что супруги Мария Ивановна и Николай Васильевич Водовозовы создали в 1894 г. первое в России марксистское книгоиздательство, в котором в 1898—1899 гг. впервые были напечатаны сочинения В. И. Ленина «Экономические этюды и статьи» и «Развитие капитализма в России».

Когда в 1978 г. я собирал материал для своей работы о первых публикациях сочинений В. И. Ленина, то в бумагах из архива Водовозовых обнаружил небольшой голубой конверт, на котором черными чернилами было написано: «Заказное. С. Петербург. Невский 92. Комитет съезда представителей русской печати», а чуть ниже стоял почтовый штемпель, и в нем довольно ясно прочитывался обратный адрес: «Солнечногорское Московской» и дата «19.09.08». Рядом со штемпелем (в правом углу) были наклеены две почтовые марки, и почти в са-

мом низу конверта находилась подпись: «Отправитель: А. А. Блок». В конверте я обнаружил лишь одну рукописную страничку под заглавием «Заметка для сборника, посвященного Льву Николаевичу Толстому», в которой было немногим более двадцати строк.

Сравнительный анализ текстов (записной книжки, автографа толстовского Музея и новонайденной рукописи) показал, что в голубом конверте находилась последняя, окончательная редакция «Заметки». Совершенно очевидно, что, создавая этот последний текст, Блок пользовался обоими предыдущими, а не только рукописью на отдельном листе, поскольку в нескольких случаях возвращался к первому варианту из записной книжки. Так, в окончательном тексте, говоря о позднем осознании чудесного, которое «было рядом», он снимает наречие «всегда» и возвращается к первоначальному «часто». Следующая фраза: «Надо помнить, что само существование гения...» — полностью повторяет первоначальный текст из записной книжки, отменяя вторую редакцию.

Из двух определений «солнца Толстого» («недремлющее и незаходящее») в окончательном тексте оставлено только первое. Наконец, в заключительную фразу вносятся два существенных изменения. Вместо: «Интеллигенции надо торопиться понимать Толстого в юности...» (в записной книжке — «с юности») — написано: «Интеллигенту надо торопиться в юности понять Толстого». Таким образом, в окончательном тексте Блок обращается не к сословию (интеллигенции), а к каждому отдельному его представителю, считая важнейшим нравственным долгом истинного интеллигента торопиться не только «понимать», но «понять» Толстого.

Итак, окончательный текст «Заметки» был послан из Шахматова в Петербург, в адрес «Комитета съезда представителей русской печати». Комитет был избран Первым Всероссийским съездом журналистов, проходившим 22—25 июня 1908 г. Этот съезд называли по-разному: «Съезд периодической печати», «Съезд русской печати», «Съезд писателей», а иногда просто «Толстовский съезд». И, пожалуй, последнее название было самым точным, поскольку этот съезд был именно созван для того, чтобы выработать программу действий в связи с приближавшимся 80-летием Л. Н. Толстого. Секретарем Комитета был В. В. Водовозов. В конце июля — начале августа Комитет кооптировал в число своих членов Горького, Л. Андреева и Плеханова. Об этом мы узнаем из переписки В. Водовозова с Плехановым. 22 июля 1908 г. Водовозов сообщал Плеханову: «Многоуважаемый Георгий Валентинович, Комитет, избранный Съездом периодической печати, созданным главным образом для организации ознаменования юбилея Л. Н. Толстого, пользуясь своим правом кооптации, решил кооптировать трех лиц: М. Горького, Л. Андреева и Вас. Мы очень хорошо знаем, что, как Вы, так и М. Горький, в действительности не можете принимать сколько-нибудь деятельного участия в работе Комитета, главная часть которой должна вестись в Петербурге. Но, желая объединить более крупных представителей русской литературы и науки, чтобы иметь возможность говорить от их имени, и все же рассчитывая и на некоторые конкретные услуги от входящих в его состав разбросанных по Европе членов, Комитет позволяет себе надеяться, что Вы не найдете оснований отказать от участия в нем. В состав Комитета пока входят М. Ковалевский (председатель), П. Милюков (товарищ председателя), Короленко, Венгеров, Анненский, Батюшков, Богучарский, Г. Градовский и некоторые другие. Как видите, состав в политическом смысле довольно пестрый. Будьте добры ответить по моему адресу. Секретарь Комитета В. В о д о в о з о в ¹.

Опережая события, хочу сказать, что деловая переписка В. В. Водовозова велась почти со всем литературным миром, да оно не могло быть иначе, поскольку все крупнейшие писатели того времени присылали в Толстовский комитет различные телеграммы, письма, заметки, статьи, воспоминания и проч.

Несколько слов о самом Водовозове. Секретарь Комитета к тому времени имел за плечами большую жизненную, политическую и литературную школу. Он родился в Петербурге в 1864 г., в семье Е. Н. и В. И. Водовозовых. Что

Заметка для сборника, по связи с мамой /
 Евву Николаевну Толстому.

Толстой живет среди нас. Нам трудно
 охватить и понять это, как искусство. Сознание
 того, что чудесное для редкого с нами, часто
 приходит слишком поздно. Надо понимать, что
 самое существование жизни есть непрерывное
 излучение света на современников. Этот
 свет ослепляет и близоруким бр. наших
 опасных людей. Мы сами не понимаем,
 что, несмотря на наши страшные уклонения
 от единственного пути жизни, мы еще
 счастливы жизнью наших страшных пропажей,
 что такая счастье, которое как бы всегда
 твердит нам: еще не поздно, — мы обязаны
 надеющемуся солнцу Толстого; может быть,
 только ему.

Итак, генту надо торопиться во юности
 понять Толстого, пока касательная бо-
 лезнь призрачных дел и праздной критики
 не успела ослабить духовные и творче-
 ские силы.

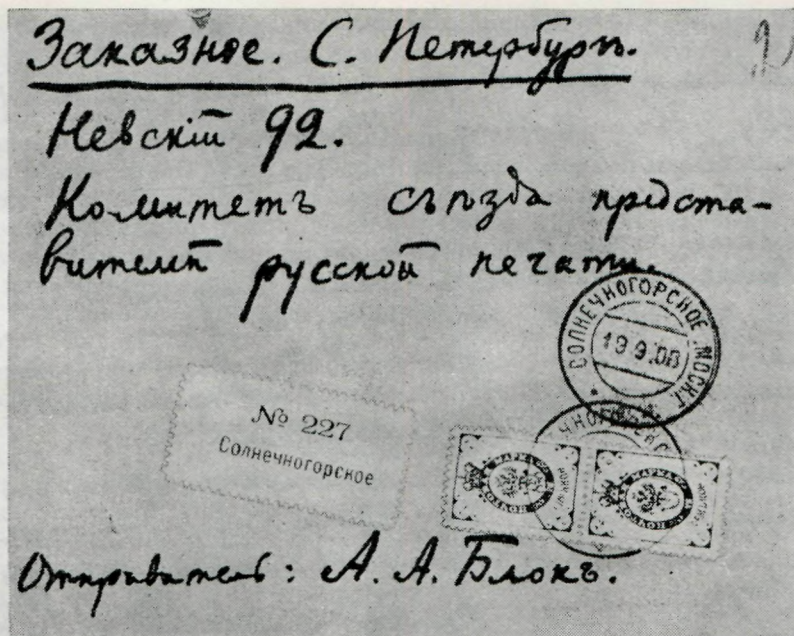
Александр Блок

ЗАМЕТКА БЛОКА О Л. Н. ТОЛСТОМ

Автограф, 1908

Центральный архив Октябрьской революции, Москва

касается Елизаветы Николаевны Водовозовой (1844—1923), то в конце прош-
 лого столетия она была хорошо известна как детская писательница, автор таких
 произведений, как «Жизнь европейских народов» (в трех томах) и «На заре
 жизни» (два тома). В домашней библиотеке семьи Ульяновых в Симбирске
 (в 1869—1887 гг.) было несколько произведений и самой Елизаветы Николаевны,
 и ее мужа Вас. И. Водовозова, известного русского педагога-просветителя,
 друга и соратника К. Д. Ушинского. Весной 1883 г. гимназисту IV класса
 Владимиру Ульянову за «отличные успехи и прилежание» был подарен Ученым
 советом Симбирской гимназии экземпляр второго тома «Жизни европейских
 народов», который сохранился до наших дней.

КОНВЕРТ С АДРЕСОМ КОМИТЕТА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ПЕЧАТИ, В КОТОРОМ
БЫЛА ПОСЛАНА ЗАМЕТКА БЛОКА

Автограф Блока

Центральный архив Октябрьской революции, Москва

Будущий секретарь Комитета представителей русской печати окончил Петербургский университет, где не только учился вместе с Александром Ульяновым и состоял вместе с ним в одном студенческом научно-литературном кружке, но и был дружен с ним, часто давал А. И. Ульянову запрещенную литературу из своей домашней библиотеки, в том числе «Немецко-французский ежегодник» со статьями К. Маркса. В студенческие годы В. В. Водозовов нелегально выпустил несколько работ, издал и литографированный перевод книги немецкого историка А. Туна «Революционное движение в России». Водозовов написал предисловие для этого издания, а также снабдил книгу примечаниями с приложением некоторых народовольческих прокламаций. По доносу одного из рабочих брошюровочной мастерской он был арестован и вскоре также проходил «по делам о государственных преступлениях с 1 января 1887 г. по 1 января 1888 г.»²

В самарский период жизни Ульяновых В. В. Водозовов не раз бывал у них дома, и в своих воспоминаниях об этом времени М. И. Ульянова пишет так: «Из посещавших нашу квартиру в Самаре, кроме А. П. Скляренко, И. Х. Лалайца, В. В. Водозовова, который приходил больше к старшей сестре — они читали вместе по-итальянски <...> помню еще В. А. Ионову и А. И. Ерасова»³.

Сам В. И. Ленин хорошо знал обоих братьев Водозововых — Николая и Василия, которого часто резко критиковал. Так, «Биографическая хроника» В. И. Ленина сообщает: «Начало декабря <1891 г.>. Ленин присутствует на докладе В. В. Водозовова о германской социал-демократии, выступает в качестве оппонента, „оспаривая слишком „парламентаристскую“ <...> точку зрения последнего“»⁴. Доклад происходил в квартире Водозовова на Сокольничьей улице (ныне — Ленинская ул., д. 87).

Но вернемся к переписке Плеханова и Водозовова. Получив послание Плеханова, в котором тот сообщал, что мог бы принять условие Комитета «лишь в том случае, если бы этот Комитет имел в виду чествовать Л. Н. именно как

художника, а не как публициста», Водовозов тотчас же написал ему: «Сейчас получил Ваше письмо, многоуважаемый Георгий Валентинович, и спешу ответить на него пока лично за себя: Комитету я доложу его на ближайшем заседании. Я тоже не разделяю большей части общественных взглядов Л. Толстого»⁵, в особенности я не согласен с их мистико-моралистическим обоснованием, не согласен с ним даже тогда, когда согласен в выводах (так, напр., по вопросу о смертной казни). Насколько мне известно, подавляющее большинство членов Комитета (а м. б. и все) тоже не разделяет большей части общественных взглядов Толстого, хотя ввиду разнообразия состава Комитета можно думать, что мотивировка своего отрицательного отношения к взглядам Толстого оказалась бы у разных членов разная. Ввиду этого я думаю, что Ваше отрицательное отношение к общественным взглядам Толстого не может служить препятствием к вступлению в состав Комитета. Во всяком случае я думаю, что Комитету Ваше отрицательное отношение к общественным взглядам Толстого было известно, когда он Вас избирал в свои члены. Мне по крайней мере оно было хорошо известно и несколько не помешало предложить вас в члены. — В. В о д о в о з о в» (письмо от 17 августа 1908 г.).

22 августа 1908 г. секретарь Комитета писал Плеханову: «Простите, пожалуйста, глубокоуважаемый Георгий Валентинович, что я Вам не отвечал так долго. Предыдущее письмо было написано уже давно, но совершенно случайно я его не отправил вовремя. С тех пор имели место два заседания Комитета; на одном из них я прочел Ваше письмо и мой на него ответ, и Комитет совершенно присоединился к нему. Считаю, что условие, под которым Вы соглашаетесь вступить в Комитет, имеется налицо, Комитет счел себя вправе печатать Ваше имя в списке членов Комитета. Посылаю Вам просьбу прислать для предполагаемого сборника несколько строк о Толстом, сущность которой Вы увидите из прилагаемого письма. <„Прилагаемое письмо“, видимо, не сохранилось. — А. Б.> Прилагаю также „Постановления и пожелания первого Всероссийского съезда печати“ — В. В о д о в о з о в».

В личном архиве Плеханова сохранились эти «Постановления и пожелания». Там, в частности, отмечалось, что, хотя 80-я годовщина рождения Л. Н. Толстого падает на 28 августа (ст. ст.) 1908 г., главное чествование следует перенести на осень текущего года, когда заканчивается летний отдых и разъезд из городов, почему Съезд и назначает время чествования первую неделю октября 1908 г. Третий параграф гласил: «От имени печати решено издать сборник, всецело посвященный личности чествуемого писателя, мнениям о нем и характеристике его произведений. Сборник должен быть составлен из отзывов и статей, полученных от русских и иностранных писателей, особо приглашенных к Толстовскому изданию сборника».

Среди приглашенных был несомненно и Блок. Его имя упомянуто в краткой справке об истории этого так и не состоявшегося сборника полтора десятилетия спустя. Я имею в виду редакционный комментарий к статье Плеханова «Толстой и природа», также предназначенной для сборника и впервые увидевшей свет в 1924 г. в журнале «Звезда» (№ 4). Там сообщалось, в частности, что Толстовский сборник не был издан в свое время «по невыясненным причинам». Однако объяснить эти причины дает возможность маленькая книжечка «Толстовский музей в С. Петербурге», изданная в 1912 г. Ее авторы-составители — В. И. Срезневский и В. Н. Тукалевский. В предисловии читаем: «Мысль об устройстве музея имени Л. Н. Толстого зародилась среди его друзей и почитателей вскоре после того, когда так называемый „Комитет почина“, образовавшийся для обсуждения вопроса о чествовании 80-летия дня рождения Л. Н. Толстого, по просьбе самого Л. Н. прекратил свою деятельность; отказавшись от чествования юбилея, комитет решил ознаменовать его тем или другим «общественным актом» и взял на себя выработку проекта „Общества имени Л. Н. Толстого“» (курсив мой. — А. Б.). И далее: «Идея создания Музея получила более или менее точное определение летом 1908 г. на съезде писателей». В докладе, прочитанном по этому поводу В. Я. Богучарским, было указано, что лучшей формой озна-

менования юбилея было бы создание в Петербурге «литературного Дома-музея имени Л. Н. Толстого», чтобы тем «увековечить за поколениями настоящим и грядущими те духовные богатства, которые дал миру гений Толстого».

Поскольку петербургский «Комитет почина» прекратил свое существование, «Заметка», написанная Блоком, осталась в бумагах В. В. Водовозова, где и хранилась, никем не обнаруженная, в течение 70 лет.

Ниже приводим полный текст белого автографа Блока.

ЗАМЕТКА ДЛЯ СБОРНИКА, ПОСВЯЩЕННОГО ЛЬВУ НИКОЛАЕВИЧУ ТОЛСТОМУ

Толстой живет среди нас. Нам трудно оценить и понять это, как следует. Сознание того, что чудесное было рядом с нами, часто приходит слишком поздно. Надо помнить, что самое существование гения есть непрерывное излучение света на современников. Этот свет остерегает и близоруких от самых опасных мест. Мы сами не понимаем, что несмотря на наши страшные уклонения от единственного пути жизни, мы еще счастливо минуем самые страшные пропасти; что этим счастьем, которое как бы всегда твердит нам: еще не поздно, — мы обязаны недремлющему солнцу Толстого; может быть, только ему.

Интеллигенту надо торопиться в юности понять Толстого, пока наследственная болезнь призрачных дел и праздной проныи не успела ослабить духовных и телесных сил.

Александр Блок

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VI. М., 1938, с. 392—395. Далее цитируется по этой публикации с указанием даты письма.

² См.: Е. Н. Водовозова. На заре жизни. Мемуарные очерки и портреты, т. II. М., «Худож. литература», 1964, с. 413, 549.

³ «Воспоминания о В. И. Ленине» в 5 томах, т. I. М., Политиздат, 1979, с. 148.

⁴ «В. И. Ленин. Биографическая хроника», т. I. М., Политиздат, 1970, с. 61—62.

⁵ Примерно в то же время (в конце июля — начале августа 1908 г.) Горький в письме к С. А. Венгеру, тоже входившему в состав Толстовского комитета, объяснял свой отказ участвовать в сборнике несогласием с убеждениями Толстого: «Как я уже известил Вас телеграммой — отказываюсь от участия в Комитете по устройству чествования Льва Николаевича. О причинах отказа Вы позволите мне не говорить — я не хотел бы ненужных споров по этому поводу. Лично же Вам скажу, что для меня революция столь же строго законное и благостное явление жизни, как судороги младенца во чреве матери, а русский революционер — со всеми его недостатками — феномен, равного которому по красоте духовной, по силе любви к миру я не знаю. Граф Лев Толстой — гениальный художник, наш Шекспир, может быть. Это самый удивительный человек, коего я имел наслаждение видеть. Я много слушал его, и вот теперь, когда пишу это, он стоит передо мной — чудесный, вне сравнений. Но удивляясь ему — не люблю его (<...> с лишком двадцать лет с этой колокольни раздается звон, всячески враждебный моей вере» (М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 29. М., 1955, с. 74).